
ДИСКУССИЯ

КОММЕНТАРИИ К СТАТЬЕ А.Л. ЖУРАВЛЕВА И Д.В. УШАКОВА “ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ И ПРАКТИКА: ПРОБЛЕМЫ И ТЕНДЕНЦИИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ”

© 2012 г. В. М. Розин

*Доктор философских наук, профессор, ведущий научный сотрудник,
Учреждение Российской академии наук Институт философии РАН, Москва*

С интересом прочитав статью А.Л. Журавлева и Д.В. Ушакова [2] (тем более, что в ней обсуждаются некоторые идеи, ранее уже высказываемые мной), отмечу, что именно так психологи должны отвечать на критику в адрес своей науки: не игнорировать оппонента по каким-либо соображениям, а рассматривая его аргументы, продвигать вопрос дальше. Не пересказывая содержание статьи, остановлюсь на некоторых вопросах, которые мне показались важными, но не до конца проясненными.

Авторы пишут, что в настоящее время “наличие определенного расхождения между фундаментальной психологией и практикой стало общепризнанным” [2, с. 6] и одно из объяснений этого в том, что психологическое “знание пока не является настолько развитым, чтобы обеспечить надежную базу для многообразных видов растущей психологической практики” [там же]. При этом явно подразумевается аналогия с естествознанием, в котором знания точных наук проверяются сначала в экспериментах, а затем в технической (инженерной) практике. А вот в психологии, говорят авторы, практика пока еще представляет собой искусство, а не инженерию, поэтому, вероятно, практикующие психологи вполне могут обходиться без знаний фундаментальной психологии, подтвержденных в эксперименте.

«Психологический процесс воздействия, – пишут Журавлев и Ушаков, – продолжает по-прежнему во многом оставаться искусством, “ускользая” от строго научных методов оценки (измерения) и, главное, проверки. Дело выглядит так, будто сегодня об одном и том же предмете – человеческой психике – существуют по меньшей мере два разных рода знания, один из которых экспериментально проверяем, но по каким-то причинам не отвечает потребностям психотерапевтической практики, а другой – наоборот, соответствует

нуждам практикующих психотерапевтов и ими порождается, но плохо поддается экспериментальной проверке» [там же, с. 6].

Но может быть, психологическая практика так и останется искусством, наподобие самого искусства? В нем, как известно, тоже используются точные знания – математические, физические, семиотические и другие, но от этого искусство не становится видом инженерии¹. Человек не менее сложный (и главное, рефлексивный и изменяющийся) феномен, чем произведение искусства, чтобы его удалось освоить инженерно.

Кроме того, авторы верно указывают, что для работы с человеком “недостаточно иметь только психологическое знание, необходимо комплексное – в том числе юридическое, педагогическое, физиологическое, а также сведения из области социальной работы, менеджмента и т.д.” [2, с. 11]. Тем самым, поясняют они, “встает вопрос большого теоретического значения – о принципах интеграции знаний различных социогуманитарных наук применительно к одному объекту. Такое интегрированное знание подчас оказывается сродни искусству, однако необходимость его трансляции, обучения, профессиональной подготовки заставляет искать воспроизводимые закономерности” [там же].

¹ Искусствовед Т. Знамеровская пишет, что значение научных представлений в искусстве Возрождения было так велико, что при расхождении “видения” и научного “знания” художники, как правило, отдавали предпочтение данным знания, а не видения [3, с. 153–155]. Осмысливая импрессионизм на первых его этапах, Кастаньяре восклицает: “Откуда она взялась (натуралистическая школа)? Она порождение современного рационализма”. Дюранти писал: “С точки зрения точности глаза, тонкости проникновения в колорит, это совершенно необыкновенный результат. Самый эрудированный физик не мог бы возразить против их анализа света” (цит. по [6, С. 118, 265]).

Полностью соглашаясь с этим тезисом, хочу его усилить. Анализ показывает, что в хорошей психологической практике используются не только психологические, но и философские знания, а также наработки антропологических и гуманитарных наук и просто личный опыт. В связи с этим возникает вопрос о том, почему практикующий психолог должен свою работу относить к области психологии, а не, скажем, человековедения как такового. Возможно, поэтому многие практикующие психологи заявляют, что они не психологи. Другое дело, если все же основной подход и видение задаются психологическими знаниями.

Значительно сложнее проблема психологических моделей. Авторы, ссылаясь на типологию Я.А. Пономарева, предлагают различать эмпирическое и действенно-преобразующее знание, интерпретируя их содержание с помощью понятия “модель”. «В эмпирическом типе знания не учитываются внутрипредметные преобразования (они остаются в “черном ящике”), но отражаются эмпирические закономерности. Иными словами, при том многообразии проявлений, которыми характеризуется поведение человека, для объяснения любого феномена, полученного в эмпирическом исследовании, применяется модель, имеющая *локальный* характер. Для объяснения феноменов, полученных в других экспериментах, требуются другие модели и т.д. Таким образом складывается *эмпирическая многоаспектность* – множество локальных моделей, не связанных между собой и предназначенных для объяснения отдельных закономерностей, добытых в экспериментах и иных эмпирических исследованиях.

Синтез, или интеграция локальных моделей представляет задачу *действенно-преобразующего знания*, которое должно упорядочить локальные модели на основе “объективных критериев”, в качестве которых, по Я.А. Пономареву, выступают структурные уровни организации явлений – трансформированные этапы ... развития» [2, с. 7].

Из сказанного следует, что на роль моделей могут претендовать только “интегрированные локальные модели”, поскольку лишь они адекватно отражают явления психики, и то – если они подтверждены экспериментально. А если нет, то это всего лишь схемы. В отличие от моделей, которые позволяют рассчитывать и прогнозировать процессы (и на основе этого управлять ими), схемы, обеспечивая понимание явления, не претендуют

на точность, прогноз или оперативность ответного действия по отношению к нему².

В этом плане не очень понятно, что означает “локальная модель”. Если бы авторы сказали “локальные схемы”, то всё стало бы на свои места, правда, тогда было бы невозможно последовательно проводить естественно-научный подход (для подтверждения эффективности схем нужен не эксперимент, а всего лишь коллективный опыт использования). Кстати, в одном месте статьи Журавлев и Ушаков так и пишут: “Фундаментальная наука разрабатывает схемы, которые ориентируют консультанта, снабжают его чрезвычайно важным знанием о сложнейших механизмах и детерминантах, а также об условиях их эффективного или оптимального действия. Но только высокая квалификация консультанта, его способность гибко применять схемы, а не оказываться у них в плену, может обеспечить успешность многообразных процессов воздействия” [2, с. 9]. Я думаю, что это не оговорка, а суть дела.

С проблемой моделей тесно связаны вопросы о *психологическом механизме и психологической закономерности*. Авторы статьи утверждают, что локальные модели описывают психологические механизмы. «В нашем контексте важно подчеркнуть, что принципом, отличающим действенно-преобразующее знание от эмпирического, является “раскрытие глобального черного ящика”. Знание эмпирического типа описывает черный ящик извне, а если раскрывает, то делает это только локально, *описывая механизм отдельной изолированной функции*» (курсив наш. – В.Р.) [2, с. 7]. Еще П.Я. Гальперин подчеркивал, что предметом психологии является изучение механизмов психических явлений. И действительно только знание механизма, *причем заданного в матема-*

² См. подробнее нашу книгу “Введение в схемологию: схемы в философии, культуре, науке, проектировании” [7 и др.]. Для пояснения приведем один пример. Система уравнений всемирного тяготения И. Ньютона представляет собой модель, позволяющую рассчитывать и прогнозировать движение планет. А вот как описывает Э. Тейлор представление архаических народов о затмении: «На языке тупи солнечное затмение выражается словами: “ягуар съел солнце”. Полный смысл этой фразы до сих пор обнаруживается некоторыми племенами тем, что они стреляют горящими стрелами, чтобы отогнать свирепого зверя от его добычи» [11, с. 228]. Архаическое представление о затмении – это схема, позволяющая понять явление и действовать. Однако сказать на её основе, когда будет следующее нападение ягуара, шаман не мог. Большая часть психологических построений тоже представляет собой схемы. Они весьма эффективны как в плане понимания психологических явлений, так и организации деятельности. Но это не модели, способные объяснять и прогнозировать явления.

тической форме, позволяет реализовать естественно-научный подход, поскольку подобный механизм описывает и природный процесс, которым хочет овладеть инженер, и способы воздействия на него, что позволяет управлять им, и, наконец, осуществить на математической модели расчет его протекания, без чего управление не имеет смысла.

Однако локальная модель, как мы говорили, это всего лишь схема, а схема не задает механизм явления в плане естественно-научного понимания. Поскольку терминологически “механизм” имеет два разных значения: во-первых, как устройство (конструкция, артефакт) и, во-вторых, как понятие в естественно-научном подходе – то соответственно, и модель тоже можно понимать и как описание психического устройства, и как то, что позволяет овладевать и управлять психикой. Смещение этих двух значений может привести к противоречиям и приписыванию психологическим построениям не свойственных им функций. Теперь о психических закономерностях.

В естествознании действие механизма основывается на знании законов природы. Но в психологии с законами, как известно, существуют большие сложности. Я недавно уже цитировал Т. Корнилову и С. Смирнова, которые пишут о том, что “в отечественной психологии постепенно утвердилось методологическое представление – об *уровневой представленности психологических законов* и парциальном характере, причем зависимость от причинно-действующих условий понимается здесь совсем в ином ключе – узости объясняемого круга явлений, установления границ сферы действия закона, а не отнесенности явления к типу” [4, с. 198–199]. При согласии с авторами, которые отступили от “обобщения на основе закона” к “установлению *границ* сферы действия закона”, необходимо поставить следующий вопрос. Не придется ли им отступать и дальше, поскольку именно в психологических экспериментах выясняется, что приходится учитывать все новые и новые неучтенные факторы, и граница психологического закона все больше сужается. Нельзя ли предположить, что категория “закон” в психологии не действует?

Вероятно, чувствуя эти затруднения, многие психологи, не исключая авторов, стали использовать не “закон”, а “*закономерность*” (близкое утверждение, но не столь строгое). Хотелось бы прояснить, чем закономерность принципиально отличается от закона. «Современная психология, – пишут Журавлев и Ушаков, – достаточно плодотворно исследует закономерности поведе-

ния в естественно-научном ключе. В то же время получен ряд локальных результатов, показывающих некоторую зависимость когнитивных процессов от языка в духе гипотезы лингвистической относительности. Для экспериментальной психологии в контексте идей психологического конструктивизма важно задаться вопросом, насколько описанные ею закономерности являются зависимыми от культурно-исторической конституции человека. Например, является ли тот же когнитивный диссонанс “естественным” свойством человека или культурно сформированным феноменом. Пока на вопросы такого рода нет окончательного ответа» [2, с. 11].

Чтобы получить ответ на вопрос относительно обусловленности закономерности и механизма когнитивного диссонанса, необходимо вспомнить, что, согласно Леону Фестингеру, в случае возникновения диссонанса индивид будет всеми силами стремиться снизить степень несоответствия между двумя своими установками, а также обходить стороной такие ситуации, в которых дискомфорт может усиливаться, пытаясь достичь консонанса (соответствия). Рассмотрим две исторические ситуации, в которых, судя по теории Фестингера, должен был возникнуть когнитивный диссонанс.

Первая ситуация. Св. Августин в “Исповеди” рассказывает о том, что делается в его душе, которая стремится к Богу и одновременно привязана к земной жизни (т.е. ею владеют противоположные желания) [см. 1, с. 104, 107–109].

По исходной ситуации здесь мы видим убедительный пример когнитивного диссонанса. Однако разрешается ситуация вовсе не по Фестингеру. Августин уверен, что, собрав силы, он преодолит свои земные привязанности; и, как мы знаем по его биографии, так в конце концов и произошло. Августин не стал снижать степень несоответствия между двумя своими взаимоисключающими установками, он решительно встал на сторону одной из них. В данном случае получается, что закон когнитивного диссонанса не действует. Но в другой ситуации он явно работает.

Вторая ситуация. Известный шведский ученый и инженер XVIII столетия Э. Сведенборг, прекративший научные занятия, чтобы полностью посвятить себя духовной деятельности, подобно Павлу Флоренскому был, так сказать, слугой двух господ. Он не мог отказаться ни от научного мировоззрения, ни от религиозного; оба мироощущения в одинаковой мере определяли его жизнь и поступки. Да и как могло быть иначе: основное занятие Сведенборга в течение почти полувека –

наука, основной образ жизни и воззрение – христианство.

Судя по всему, Сведенборг был целостной личностью, для него мир науки и Господь были не две разные “комнаты”, а одна, единый мир и жизнь. Подобно Декарту, Сведенборг не только считал, что человек по своему совершенству приближается к Господу, поэтому-то ангелы – это совершенные люди, но что можно познать и природу, и Господа, и небеса. При этом, познавая, мыслитель воспроизводит Господа и как бы творит мир, опираясь только на себя [10, с. 4].

Именно как картезианец и ученый Сведенборг не мог не признать наличие в Священном писании множества противоречий.

В результате принципиальных сомнений и размышлений (но не отказа от веры) Сведенборг начинает переосмысление религиозной реальности.

Как следствие, в сознание Сведенборга постепенно входит третья реальность (наряду с научной и религиозной), созданная им в результате переосмысления нерелигиозной: она, с одной стороны, похожа на нее, с другой – кардинально отличается.

Новая духовная реальность практически уже встала на место канонической, она воспринималась как истинное положение дел, но входила в противоречие как с религиозными догматами церкви, так и с научными методологическими установками самого Сведенборга, по которым эта реальность нуждалась в подтверждении опытом.

Именно в этой ситуации его психика начинает продуцировать спонтанные сноподобные сюжеты, с одной стороны, восполняющие недостающие элементы научного мышления и действительности, с другой – “рисующие” такую картину, в которой Сведенборг получал санкцию “свыше” на новый способ познания и мышления.

Выход в сознание сноподобных реалий предполагает осмысление и работу мышления, создание интерпретаций, формулирование новых подходов и даже переосмысление своего положения в мире [см. 9].

Анализ книги Сведенборга [10] показывает, что он понимает свою работу не просто как откровение, данное ему свыше, но и как научное познание духовного мира [8].

Данная ситуация подтверждает теорию когнитивного диссонанса Фестингера. Однако пример Августина (и таких можно привести еще немало) отрицает ее. Подобное несоответствие можно

объяснить тем, что элементы, составляющие “механизм” когнитивного диссонанса, включены в разные целые. Для Сведенборга целое – это, действительно, единая когнитивная картина мира, заданная двумя несовпадающими практиками (естественно-научной и сакральной), и он, реализуя свою личность, которая конституирует вторую сторону целого, начинает согласовывать характеристики реальности, отвечающие этим практикам.

Целое Бл. Августина другое. Он идет к Богу, преодолевая в себе “ветхого человека”. В рамках этого целого (пути и работы над собой) одни его устремления и ценности, ориентированные на христианство, должны быть поддержаны, а другие, связанные с обычной жизнью неверующего человека, решительно отвергнуты.

Иначе говоря, будет какое-то психическое явление механизмом (и закономерностью) или нет, зависит от целого, в которое оно включено. Как правило, психолог не знает, с чем он имеет дело – с целым или всего лишь его проявлениями. Он фиксирует в своем исследовании и экспериментах определенные связи и отношения, трактует их естественно-научно (т.е. как целое, обладающее имманентными свойствами) и дальше объявляет эту конструкцию “психической структурой”, “процессом”, “механизмом”, “закономерностью” и т.п.

Фактически же добросовестные психологические эксперименты постоянно выводят психологов на целое, в рамках которого они изучают психические феномены. Так, Журавлев и Ушаков показывают, что в психологических исследованиях и экспериментах психологи выделяют и описывают различные факторы и условия, определяющие протекание и характер изучаемых психологических явлений.

Другое дело, что в силу методологической установки на естественно-научное познание психолог не хочет признавать эти факторы и условия характеристиками того или другого целого; он их не опознает как принадлежащие целым. С точки зрения психолога, это не указание на целое, подлежащее изучению, а именно факторы и условия, которые нужно в следующих экспериментах или минимизировать, или учесть при построении самого эксперимента.

Психологи считают, что если неизвестно, к какому целому относятся выявляемые в психологических исследованиях механизмы, то это не имеет значения при условии работы выделенных закономерностей. Но вопрос как раз в том, работают

ли? Например, во второй части статьи авторы пишут следующее. «Ценностная система общества в соответствии с этой моделью (Шварца. – прим. ред.) представлена в системе координат, которую образуют три биполярные пары ценностей: “иерархия–равноправие”, “принадлежность–автономия” и “мастерство–гармония”. Специально следует отметить, что важным и теоретически дискуссионным моментом является признание инвариантности подобных психологических структур относительно разных культур. В связи с этим встает острая *проблема переноса* без какой-либо адаптации различных зарубежных моделей ценностей (М. Рокич, Ш. Шварц) на российскую почву» [2, с. 14].

На наш взгляд, невозможно решить проблему переноса, не зная природы общества, представителей которого психологи тестируют. Культурно-исторический и социологический анализ показывают, что, во-первых, построенная “модель” (а на самом деле схема) описывает только ценности либерально-демократического общества, во-вторых, ни о какой инвариантности относительно разных культур здесь нельзя говорить, в-третьих, на русскую почву, действительно, эту “модель” перенести нельзя.

Говоря об особенностях российского общества и ситуации в нем, необходимо обратить внимание на то, что не зная целого (в данном случае природы и сущности общества), трудно судить о том, что построено – схема или модель, а также о том, что выявили и описали в исследовании – механизм, процесс, факторы, условия или просто проявления какой-то психической структуры.

Сказанное выше приводит к необходимости постановки ряда принципиальных вопросов.

- Каким образом выделять целое? От чего зависит выделение целого: от личности изучаемого, установок исследователя, практики, в которую психолог включает своего клиента и прочее? Кто, помимо психолога, должен помочь конституировать такое целое?

- Какие структуры мы можем считать естественными, приписывая им статус “природа”? Как учесть вклад в психологическую природу конструкций и ценностей исследователя или практикующего психолога?

- Какова логика движения в психологическом исследовании от эмпирических знаний и констатаций к полаганию онтологических сущностей (структур, процессов, механизмов, систем и т.д.)?

- Какую все-таки роль в психологическом исследовании играет эксперимент?

Очевидно, что все эти вопросы и проблемы относятся к компетенции философов и методологов, но, поскольку и думающие психологи вынуждены их обсуждать, как это следует из статьи Журавлева и Ушакова, ответы на них нужно искать вместе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Августин Аврелий*. Исповедь. М., 1992.
2. *Журавлев А.Л., Ушаков Д.В.* Фундаментальная психология и практика: проблемы и тенденции взаимодействия // Психол. журн. 2011. Т. 32. № 3. С. 5–16.
3. *Знамеровская Т.П.* Проблемы кватроченто в творчестве Мазоччо. Л., 1975.
4. *Корнилова Т.В., Смирнов С.Д.* Методологические основы психологии. СПб.: Питер, 2008.
7. *Нерсисянц В.С.* История идей правовой государственности. М., 1993.
8. *Ревалд Д.* История импрессионизма. М., 1959.
9. *Розин В.М.* Введение в схемологию. Схемы в философии, культуре, науке, проектировании. М., 2001.
10. *Розин В.М.* Демаркация науки и религии. Анализ учения и творчества Эммануэля Сведенборга. М., 2007.
11. *Розин В.М.* Мышление и творчество. М., 2006.
12. *Сведенборг Э.* О небесах, о мире духов и об аде. Киев, 1993.
13. *Тейлор Э.* Первобытная культура. М., 1939.